

Евленья Виноградова

«Ее общение с собою напоминает шорох рощи...»

* * *

Место выбрали там, где на донник пахучий,
на репейник и дерн лист слетает крапчатый,
посидеть, полежать средь неясных созвучий
на земле, словно жизнь – только край непочатый.
Словно только вздохнул этот воздух тягучий
возле теплой стерни после ржи невысокой,
чтоб из сердца, щемящего радостью жгучей,
снова чувства большим восходили потоком.

Скосят клевер-траву – вместо скошенной тут же
отрастает нежнейшего цвета отава.
Луг в исподнем душист, словно плат, отутюжен,
и мы рады ступить на его переправу.

* * *

сама с собою неустанно
она болтает днем и ночью
то просит *там* за маму Анну
то над собакою бормочет
то ей приспичит заругаться
на грязный двор и бездорожье
на то что милых восемнадцать
ей возвернуть никто не сможет
на то что огород вреднючий
который год не плодоносит

на то что внук урок не учит
а просит жвачку и лосося

ей гадских денег не хватает
(смешно) на склянку марганцовки
зато дорвался до италий
зряшной сосед поганец Вовка
ей для поливочного дела
ту марганцовку эх как надо
на подоконниках – глядела –
у всех давно цветет рассада

ее общение с собою
напоминает шорох рощи
там ветви рвутся в голубое
но не взлетая ропщут ропщут

* * *

Пора сорвать тоски репей – лесок утюжить лыжами,
оторопев во сто тетерь, сомлеть у елей с фижмами!
Пора конькам на лед теперь... Осечка! – тема русская –
вороньей стаей оттепель, как семечками, лузгает.
Но голенастой быть уже: снега грядут под нордами –
Короста наста, выдюжи зимы походку твердую!
В погоне бурной улица: бегут заботы жаркие –
Пургой не в пору ль пудриться? Зовут наряды маркие!
Тропарь с пристрастьем выучен, казна деньками щелкает –
словарь истратим рыночный: За елками! За елками!

Сродни веселым дележам покупки елей бойкие!
Огни, в тесемках дилижанс, хлопушки, хмель и ойканье!
Ошкурен сочный мандарин на снега свежем кружеве.
До дури алчный взгляд витрин – им все б зевак выуживать!
– Пожива нынче недурна! – ворона ближним каркает.
Зенит зимы. Звенит струна страстями жизни жаркими!

* * *

«От смерти нет в саду заветных трав».

Аптекарь В. Орлов

Отведи меня, улица, на заглохший пустырь.

Там на травы невхожие, как стена в монастырь, –
желто-жухлые, вялые, под снега обреченные, –

упаду я усталая, октябрём удрученная.

Волновалась вопросами под цветущими вишнями: прихожанка?
послушница? непутевая? лишняя?

А назад-то как хочется! Да, боюсь, не назад.

И во снах все бормочется про невиданный сад.
Льют там травы нетленные ту же самую песнь?

Мой пустырь, друг смиренный мой,
может, сад этот есть?

* * *

куда ни ткнусь ни лодки ни весла
одно крыло от велика «Десна»
да дом забитый с мертвым коромыслом
колодец с колесом... Сансары? нет... не зна...
и нету смысла
взгляд отводить с обугленной стены
на пыльный самовар без крана но с трубою
когда и кем из-за какой вины...
и было ли
с тобою?

две мухи звонко просят на свет
в слепом оконце завиток от хмеля
разрухи сон... на печке ты Емеля
но щуки под рукой в помине нет
и ты шагаешь по хребту забора
поваленного ветром и дождем
сквозь зверобой аж до грибного дора

тут скот пасли осинник увлажнен
отсюда прелый дух и тропка в гору
скорбя ведут на пятницкий погост
где ель застыла вместо колокольни
где от могил заметны только кольца
да в человечесий окаянный рост
трава такая что в своих объятых
готова удержать и уронить
но нить от солнца золотая нить
на чистом платье

* * *

Продам родительский очаг,
нехитрый скарб раздам по вещи.
Лекарство выпив натошак,
сорвусь туда, где море плещет.

Там в ноябре под двадцать пять,
там люди в ярком кормят чаек.
Там страсть не держат на цепях
и виноградным привечают.

А здесь печурка внедогляд,
роняя головню на щепки,
нет-нет да треснет, коль палят
одну березу в холод крепкий.
И ты сидишь себе, следишь, –
сомлев лицом, – за огоньками,
колени обхватив руками...
...И никуда не убежишь –
не пустит под порогом камень.
Его мой дед еще, кажись...

...Какая ни на есть, а жизнь –
...дарованная стариками...

* * *

Белесый свет на дюнах от луны.
Два светлячка – сиянье ярче шелка –
как водится в июне, – влюблены.
И тщится шепелявая иголлка
к приборю приторочить галуны.
Прилипли к телу джинсы и футболка,
планктон не в силах бездну перевозмочь.
С ним чудится – морская кофемолка
и нас с тобой перемолоть не прочь!

И снова слева солнца тихий блеск.
Разбросаны прозрачные медузы.
День. Новый день из черноты воскрес,
тем укрепил наличие союза.
Подобно тени, долог интерес –
подробно изучать следы от шторма.
И каждый новый безмятежный всплеск
соединяет содержанье с формой.

В сплошном смешенье моря и песка
с вкраплением солнца в каждой из песчинок
смешно лишенье, призрачна тоска.
Волна к волне, – их жажда беспричинна.
Завидна даже участь пятака –
для глаз твоих – в карманах щедрой смерти.
Да это все потом!.. Ну, а пока
ни сил ошибки править, ни усердия.

* * *

О чем ты думаешь с утра,
готовый к осени кромешной?
О том ли, как декабрь промешкал
с зимой, что нынче не шустра?
Земная, тоже не безгрешна
и тоже хнычет от утрат...

А помнишь, первый снег слетел,
как сала шмат на сковородку?!
Да, мало... и, скорей, на откуп,
чем в завершение бранных дел.
И было влажно подбородку,
и было все как ты хотел...

Нашлась газета под селедку,
тост величавый, словно снег.
Дышалось спиртом – пили водку
до дна, и чтобы без помех
успех явился к нам простецкий
с деньгами и с грядущим днем.
Смеялся в телике Жванецкий.
Мы хлопотали над огнем.
Печь с дымом долго разгоралась
(примета верная – к гостям),
я неумело матюгалась.
Дрова (судили по гвоздям)
от сруба старого не грели –
зато горели так горели!
Ладонь болела от ножа.
Щепать лучину не спеша,
меня учила в детстве мама.
Тогда – наивна и упряма,
теперь – прилежна и мудра, –
я все же отворила раму,
и снег к нам падал до утра...

* * *

их не хотят топить ох не хотят
теперь они глядят на мир красиво
еще не понимают что глядят
а ты не понимаешь как случилась
вот эта неоправданная милость
и гладишь гладишь пальчиком котят

* * *

«Снег идет, снег идет»

Б. Пастернак

Снег идет, снег идет...
и теряешься в догадках:
след, под следом гололед –
неожиданный и каткий –
он спешит припорошить
ошалелым кокаином
не с того ль, что рад смешить,
не жалея ног и спины?!

Загурманил свежий снег –
прочь попутный запах гнили!
Задурманил пеших... – всех,
будто булочник ванилью, –
ароматом из щелей,
благовоньем от колдобин.
Озадачил кобелей –
метьте мир, он старомоден!

Смех и грех! – Опять за власть
страстно борешься, бездомный?
Озорник! Ну, тешься всласть, –
радость от тебя бездонна!

Великий Устюг

